

ЧТИМАЯ КНИГА: ДРЕВНЕКИТАЙСКИЕ ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОД
 “ШАН ШУ” (“ШУ ЦЗИН”) И “МАЛОГО ПРЕДИСЛОВИЯ” (“ШУ СЮЙ”)

Подгот. древнекит. текстов и илл., пер., примеч. и предисл. В.М. Майорова; послесл. В.М. Майорова и Л.В. Стеженской. М., ИДВ РАН. 2014. 1149 с.

© 2016

Г. С. ПОПОВА, М. Ю. УЛЬЯНОВ

В 2014 г. вышел в свет первый полный перевод на русский язык *Шу цзина* (書經 “Канон записей”), или *Шан шу* (尚書 “Чтимая книга”) – одного из важнейших письменных памятников китайской цивилизации¹. Данное издание содержит также перевод “Предисловий к писаниям” (*Шу сюй* 書序), которые ранее в российском Китаеведении не упоминались². Тогда же одним из авторов данной статьи, Г.С. Поповой, был подготовлен обзор этой книги, поэтому ниже остановимся на тех важных вопросах, которые не были затронуты в нем [Попова, 2014(1)].

Добавим, что уже после выхода в свет данной книги авторы опубликовали рукопись перевода о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина) (1777–1853) [*Древняя...*, 2014]³. Соответственно в 2014 г. появились два перевода: один – современный и полный, а второй, насчитывающий уже почти 200 лет (выполненный в 1822 г.), – черновой (в рукописи) и незавершенный.

Издание первого полного перевода *Шу цзина* на русский язык, так же как и неполного перевода одного из основоположников российского Китаеведения, – значимое событие, которое нельзя не приветствовать. Благодаря этой работе появилась возможность ознакомиться с содержанием текста памятника, узнать об истории его сохранения и комментирования, о традиции его переводов на европейские языки. Значимость ее в том, что она заставляет сформулировать ряд вопросов, важных для дальнейшего развития отечественной синологии. Значительные достоинства и очевидные упущения этой книги, на наш взгляд, отражают ряд культурных явлений, характерных для профессиональной среды, в которой она была выполнена.

Том объемом в 1149 страниц – результат большого труда. Но дело, конечно, не в размерах книги или масштабах проделанной работы, а в ее результатах. Судя по форме издания, объему примечаний и исследовательской части, книга задумывалась авторами как фундаментальный научный труд. И они, бесспорно, приложили большие усилия, чтобы приблизиться к этому.

Основная часть работы была выполнена В.М. Майоровым: он автор предисловия, перевода и примечаний к нему. В проекте принимала участие Л.В. Стеженская в качестве соавтора по “Послесловию” и как составитель указателей. Оба автора работают в Центре сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии Института Дальнего Востока РАН. Специалистами этого центра уже издавались переводы классических памятников, прежде всего конфуцианских канонов: “Четверокнижие” 四書 (*Да-сюэ* 大學 “Великое учение”, *Чжун-юн* 中庸 “Учение о середине”, *Лунъюй* 論語 “Беседы и суждения”, *Мэн-цзы* 孟子) [*Конфуцианское...*, 2004], отдельное издание двух переводов *Лунъюя* [*Беседы...*, 1999; Переломов, 1998] и трактата *Чжун-юн* [*Конфуцианский...*, 2003], отдельных произведений из *Ши цзина* (“Канона песен” 詩經), выполненных В.П. Абраменко [*Ши цзин*, 2015], а также исследований

ПОПОВА Галина Сергеевна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, gmcury@rambler.ru.

УЛЬЯНОВ Марк Юрьевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой китайской филологии, Институт стран Азии и Африки МГУ, ulm@mail.ru

¹ Здесь приведен вариант перевода, предложенный авторами. Слово *шан* 尚 многозначно. Поскольку все включенные в канон произведения были чтимы, то, на наш взгляд, было бы точнее перевести второе название этого произведения (*Шан шу*) как “Древние записи”. Подобная точка зрения основана на представлении о целях, которые могли преследовать авторы входящих в *Шу цзин* глав. Они, вероятно всего, создавались как подражание официальным придворным записям периода Западного Чжоу, их язык был намеренно архаизирован, в них присутствуют целые фразы, характерные для ритуальных текстов бронзовых сосудов второй половины периода Западного Чжоу [Попова, 2012(2)]. Это должно было заставить читателей этих глав еще в период Чуньцю считать их достаточно древними, возможно, синхронными тем событиям, которые были в них упомянуты.

² Мы благодарны В.М. Майорову за то, что он обратил наше внимание на это, побудив одного из авторов провести их исследование (см.: [Попова, 2015(1)]).

³ Черновой перевод почти всего текста *Шу цзина* был выполнен Н.Я. Бичуриным в 1822 г. Перевод обрывается на 18-й главе чжоуского раздела, общий объем переведенного текста составляет 75.4% всего текста памятника [Попова, 2016, с. 192].

И цзина (“Канона перемен” 易經) и *Дао дэ цзина* (“Книга пути и благодати” 道德經) А.Е. Лукьянова [Дао дэ цзин, 2008; И цзин, 2005], А.А. Крушинского [Крушинский, 1999]. Все они принимали активное участие в создании шеститомной энциклопедии “Духовная культура Китая”. Иными словами, данное издание лежит в русле научных интересов и специализации Центра, вокруг которого сложилось целое направление российского китаеведения.

Шу цзин занимает особое положение в культурной традиции, которое отчасти сопоставимо с книгами священного писания других мировых цивилизаций. Это произведение входит в состав конфуцианского “Пятиканония” (五經 *У цзин*) и “Тринадцатиканония” (十三經 *Ши сань цзин*), в нем отражены фундаментальные представления о власти и управлении. На его особую значимость в древности указывают многочисленные цитаты во многих письменных памятниках второй половины 1-го тыс. до н.э. [Попова, 2014(3); Чэнь Мэн-цзя, 1985, с. 11–35], а также богатейшая традиция комментирования, использование в качестве одного из основополагающих текстов в школьном образовании и в рамках экзаменационной системы традиционного Китая.

Все это накладывает большую ответственность на авторов перевода и исследования, требует от них хорошего знания древнекитайской истории и культуры, а также навыков перевода и публикации древних памятников. То, что раньше этим занимались сотрудники Российской православной миссии в Пекине, вполне понятно: одна из их задач и заключалась в изучении священных книг народа, который предполагалось приобщать к православной вере. В.М. Майоров впервые со времен Н.Я. Бичурина рискнул взяться за выполнение полного перевода этого без преувеличения одного из сложнейших письменных памятников китайской культуры. Когда за такую задачу берется современный синолог, у него должны быть на то веские основания. В прошлом несколько ответственных исследователей, которые специально занимались древностью (историей, языком, литературой), выполнили переводы лишь небольшого числа глав памятника⁴.

Ранее В.М. Майоров изучал переводы *Мэн-цзы* на европейские языки [Майоров, 2005, с. 275–288], в качестве составителя указателя принимал участие в издании перевода *Мэн-цзы*, выполненного П.С. Поповым (1842–1913) и впервые опубликованного еще в 1904 г. [Попов, 1998]. О *Шу цзине* В.М. Майоров ранее опубликовал, насколько нам известно, две статьи, написанные по результатам рассмотрения рукописи перевода *Шу цзина* Н.Я. Бичуриным [Майоров, 2011(2)], а также главы из этого же памятника (*Хун фань*) в переводе Н.Я. Бичурина [Майоров, 2011]. Л.В. Стеженская – специалист по раннесредневековой поэтике, изучает и переводит трактат Лю Се *Вэнь синь дяо лун* (“Резной дракон изящной словесности”) [Стеженская, 2010].

Рассматриваемый труд начинается кратким предисловием, в котором авторы попытались дать характеристику памятника, показать его место в традиционной китайской культуре и сказать о проблемах, связанных с его переводом и изучением. Затем следуют перевод, сопровождающийся китайскими иллюстрациями из издания 1905 г., и примечания. Книгу завершает “Послесловие”, которое включает четыре крупные главы, каждая из которых состоит из нескольких параграфов. Работа снабжена двумя указателями: первый содержит географические названия, во втором собраны имена, титулы, названия династий и этнонимов (так в тексте)⁵.

Авторы помогли бы читателю, если бы в самом начале определили жанр своего труда и предполагаемую аудиторию: это академическое издание перевода и исследования памятника, рассчитанное на профессиональную среду, или научно-популярная книга, рассчитанная на массового читателя. Место работы авторов и место публикации ИДВ РАН, а также содержание их работы, включающее перевод источника, оригинал, комментарии, исследование, указатели, заставляют думать, что перед нами именно академический труд. Но ведь далеко не всякая работа, которую выполняет сотрудник академического института, является академической. Академический статус придает ей не место работы автора, а то, какие задачи он ставит и как их решает.

В начале “Предисловия” сделана попытка показать место памятника в китайской культурной традиции. Авторы пишут о том, что он “представляет политическую и государственную доктрину конфуцианства” (с. 3). С этим трудно поспорить, но одновременно читатель вправе ожидать от переводчика, что он вкратце даст знать, какие именно элементы содержания памятника позволяют

⁴ Из опубликованного до 2014 г., по нашим сведениям, более всего перевел С.М. Георгиевский в книге “Первый период китайской истории”: 1.3, 2.1, 3.6, 4.1, 4.6, 4.23 (1885). А.М. Карапетянц опубликовал перевод только пяти глав: 3.9, 3.10, 3.11, 4.1, 4.2 (1981 г.), остальные авторы: Л.Д. Позднеева, С.И. Кучера, М.В. Крюков, Т.В. Степугина – по 1–2 главы [Попова, 2012(1), с. 251–252].

⁵ Например, в издании перевода “Исторических записок” (*Ши цзи* 史記) Сыма Цяня, выполненного Р.В. Вяткиным и др., прилагаются отдельные указатели имен, географических названий, этнических названий, китайских терминов [Сыма Цянь, 2001, с. 373–401].

это утверждать. Далее число и сила эпитетов, показывающих значимость *Шу цзина*, нарастает. Например, авторы пишут: «“Шан шу” до определенной степени сделала предков китайцев китайцами» (с. 4). Согласимся и с этим утверждением, но все-таки надо пояснить, благодаря чему это стало возможным. Сильные эпитеты и генерализации такого рода не заменят концептуальной характеристики содержательных особенностей текста памятника как предмета изучения.

Авторы затрагивают важную тему окончательной письменной фиксации текста памятника (используя свое понятие “стабилизация текста”), отнеся ее к периоду с VII по X в. Этот как раз тот случай, когда было бы уместно сослаться на специальную литературу, из которой они почерпнули эти сведения.

Задачи работы сформулированы отрывочно и размыто. По словам авторов, они стремились дать “современный и стандартный” перевод памятника. Современный – в том смысле, что он “ориентируется на понимание текстов “Шан шу” в Китае и на Тайване в самом конце XX в. и начале нынешнего века” (с. 7). Здесь объединены две трудно совместимые задачи: перевод памятника и раскрытие “современного и стандартного понимания” его содержания в КНР и на Тайване. Первая задача является вполне академической, а вторая – сугубо обществоведческой. Обычно подобные задачи решаются отдельно.

Уже в самом конце “Послесловия” В.М. Майоров поясняет: “Нам казалось важнее представить древнекитайский текст так, как его воспринимает современный китаец при непосредственном чтении” (с. 1051). Сформулированная подобным образом задача требует описания особенностей “восприятия современного китаец”. Если сами авторы не сформулируют, в чем оно заключается у представителей современных интеллектуальных и бюрократических кругов Китая и Тайваня и чем оно отличается от древнего и средневекового, то из чтения перевода это никак не станет ясно. Сместе предположить, что восприятие содержания памятника в китайской культуре остается таким же, каким было и ранее, только сейчас оно излагается современным языком и в доступной форме.

Тем не менее перевод какого-либо произведения выполняется с учетом его *понимания в конкретную историческую эпоху*. Благодаря этому удается добиться *единства стиля*, унификации трактовки основных понятий и понимания содержания. К этому, например, стремился академик В.М. Алексеев, когда переводил *Луньюй* с комментарием сунского неоконфуцианца Чжу Си 朱熹 (1130–1200), опираясь на понимание текста основополагающего конфуцианского источника не в период его создания или его раннего бытования, а во время расцвета неоконфуцианства XI–XII вв. [*Луньюй*, 2001].

Едва ли удачно то, что издания *Шу цзина*, «которые в работе над нашим переводом использовались в качестве оригинала текста “Шан шу” и комментариев к ней» упоминаются дважды и не в начале книги, а в разных местах “Послесловия”. На с. 951 (в конце второй главы “Послесловия”, в разделе о современных публикациях памятника) сообщается, что за основу взято тайваньское переиздание сложных иероглифов соответствующего тома из пекинской публикации памятника в массовой серии *Шисань цзин чжу шу* 十三經注疏 (“Тринадцать канонов с комментариями”), опубликованной Пекинским университетом в 1999 г. [*Шисань цзин...*, 1999]. А в самом конце “Послесловия” (с. 1049–1050) описаны три издания, “использованных нами для перевода”.

Оказывается, что две книги из трех – переводы *Шу цзина* на современный китайский язык (*байхуа*), которые заведомо не относятся к числу академических, поскольку они изначально не предназначены для научных задач. Первая книга – из многотиражной серии переводов произведений классической китайской литературы на современный китайский язык с комментарием Цянь Цзунъю и Цзян Хао, сотрудников Янчжоуского университета (пров. Цзянсу). Она была переиздана на Тайване в 1996 г. [*Цзюнь гувэнь...*, 1990]. Вторая – перевод с комментарием тайваньского специалиста Цюй Ваньли [*Шан шу...*, 2009(2)]. И только третья может быть отнесена к числу академических, это *Шан шу* и *чжу* 尚書譯注 (“*Шан шу* с переводом и примечаниями”), поскольку была опубликована в академическом издательстве *Шанхай гуцзи* в 2009 г. [*Шан шу...*, 2009(1)].

Как можно догадаться, именно они были упомянуты в Предисловии, где сообщалось о том, что в ходе работы переводчик сверил “три версии академических текстов, обнаружив в них совсем незначительные расхождения” (с. 9). Но тогда возникает вопрос: как понимают авторы значение слов “версия” и “академический текст”? Оказывается, здесь имеются в виду использованные при переводе три публикации *Шу цзина*, т.е. не разные “версии”, а разные “издания”. Что же это за “тексты”? Тем более что в “Заключении” ровно через 1040 страниц текста поясняется: “Мы обратились только к тем, которые были самыми новыми и вышли накануне и в начале XXI века” (с. 1049). И выбраны они были потому, что “вышли в свое время в составе крупных книжных серий китайских классических книг” (там же). Все становится на свои места, когда выясняется,

что перепутаны два понятия: “академическое” и “научное” издание. Понятие “научное издание” означает только то, что оно выполнено в научной среде и с научными целями. К ним относятся не только сугубо академические, но и научно-познавательные и даже популярные работы. Эти же издания, хотя и подготовлены специалистами, по своим задачам являются массовыми и популярными, т.е. решают ознакомительные, а не академические задачи.

Перевод памятника позволяет ознакомиться с содержанием *Шу цзина*. Благодаря ему можно узнать общий смысл всех глав памятника. Тем не менее перевод неровен, порой он близок к оригиналу, порой – нет; порой читается по-русски, порой имеет совершенно нечитаемый вид.

Отметим удачную форму публикации перевода *Шу цзина* и *Шу-суй*, а именно наличие оригинала; нумерация абзацев облегчает поиск соответствий.

Важнейшая черта всей публикации – избыточность задач, которые пытаются решать авторы. Это заметно и в оформлении перевода – оригинал снабжен графическими отсылками сразу на семь (!) переводов памятника на западноевропейские языки: на французский язык А. Гоблиа 1770 г. и С. Куврёра 1897 г., на английский – У. Медхёрста 1846 г., Дж. Легга 1865 г., У. Олда 1904 г., Б. Карлгрена 1950 г. Это любопытно, но авторы не используют эту разметку для текстологического исследования. Избыточность не только в том, что и без того сложный иероглифический текст графически перегружен, но и потому, что эти переводы, кроме Легга и Карлгрена (частично – Куврёра), вышли из широкого научного оборота. Напротив, большую ценность имели бы указания в примечаниях к переводу на варианты понимания и толкования наиболее сложных мест в разных переводах.

У переводчика также были собственные установки при переводе сложных фрагментов: “...для отражения противоречивости этой современной трактовки мы выбрали многозначный и поэтому нейтральный вариант русского перевода...” (с. 629). Требуется объяснения, что такое “нейтральный вариант” и почему именно он позволяет наиболее точно передать смысл переводимого.

Думая о стиле перевода, автор попытался следовать традициям китайского канонovedения. Согласно традиционным представлениям китайского канонovedения, памятник состоит из двух групп текстов: *гу-вэнь* 古文 (версия “древних письмен”) и *цзинь-вэнь* 今文 (версия “современных письмен”).

К первой относятся главы: *Да Юй мо*, *У цзы чжи гэ*, *Инь чжэнь*, *Чжун-хуй чжи гао*, *Тан гао*, *И сюнь*, *Тай-цзя*, *Сянь ю и дэ*, *Юэ мин*, *Тай ши*, *У чэн*, *Люй ао*, *Вэй-цзы чжи мин*, *Цай-чжун чжи мин*, *Чжоу гуань*, *Цзюнь чэнь*, *Би мин*, *Цзюнь я*, *Цзюнь мин*.

Ко второй: *Яо дянь*, *Шунь дянь*, *Гао яо мо*, *И цзи*, *Юй гун*, *Гань ши*, *Тан ши*, *Пань-гэн*, *Гао-цзун жун жи*, *Си-бо кань ли*, *Вэй-цзы*, *Му ши*, *Хун фань*, *Цзюнь тэн*, *Да гао*, *Кан гао*, *Цзю гао*, *Цзы цай*, *Чжао гао*, *Ло гао*, *До ши*, *У и*, *Цзюнь ши*, *До фан*, *Ли чжэнь*, *Гу мин*, *Кан-ван чжи гао*, *Люй син*, *Вэнь-хоу чжи мин*, *Би ши*, *Цинь ши*.

Переводчик, приняв традиционный китайский подход к разделению глав, решил обыграть это, переведя их разными стилями – ритмизованной прозой и нейтральным слогом.

Текст глав первой группы *гу-вэнь* (версия “древних письмен”) стилизован под нарочито архаизированную ритмизованную речь. Нелишне вспомнить, что любая стилизация технически исключительно сложна. Не каждому переводчику, даже очень хорошо владеющему родным языком, она доступна. Стилизация, на наш взгляд, приемлема при переводе литературного произведения, но при переводе памятника общественной мысли ее использование очень спорно. Русский язык гибок, но пользоваться этим допустимо в определенных пределах, регулируемых в первую очередь вкусом автора и его языковым чутьем. Ритмизация таит множество подводных, легко сбиться, что и произошло в данном случае.

Подобный перевод значительно затрудняет восприятие содержания этих глав, порой можно уловить только их общее содержание. Переводя главы этой группы, автор порой пренебрегал структурой предложений, опускал значимые слова или добавлял отсутствующие в оригинале [Попова, 2014(1), с. 431–432].

Например, фраза из главы *Да юй мо* (“Рассуждения Великого Юя”): “...Преображенье просвещенем в пределах простирая четырех морей, монарх [воле] следует до мелочей” (с. 62). Здесь, пожалуй, потребуется еще один перевод – теперь уже на литературный русский язык. Или в третьей части главы *Юэ мин* (“Повеление для Юэ”) читаем: “Когда в уме держать ты будешь начала и концы, чтобы они учения не нарушали...” (с. 225). Из перевода не ясно, к чему относятся “начала и концы”. Можно предложить другой перевод данной фразы, который больше сочетается с контекстом: “помни, что конец и начало [твоего совершенствования] зависят от [непрестанного] учения”.

Приведем примеры из главы *Вэй-цзы чжи мин* (“Повеление для Вэй-цзы”). В.М. Майоров перевел предложение 爾惟踐修厥猷，舊有令聞；恪慎克孝，肅恭神人 так: “Ты следовал ему, его осуществляя образцы. Давно ты ведом всем своим почтением и вниманием, долг сына чтить и уважаем людьми и духами”. Точнее было бы перевести: “Ты осуществляешь и совершенствуешь его замыслы, издавна обладая прекрасной репутацией, почтительно и усердно проявляешь сыновнюю почтительность, выказываешь почтение духам и [простым] людям”.

В другом месте В.М. Майоров пишет: “Будь гостем правящего дома и с [нашим] государством [раздели] все милости [от Неба], [и да продлятся] навеки бесконечно наследники [твой]” (作賓于王家，與國咸休，永世無窮). При переводе нейтральным стилем получается так: “Будь гостем при дворе вана, вместе со [своим] уделом наслаждайся благословением, [которое] вечно из поколения в поколение [будет] неисчерпаемо”.

Как известно, характерная особенность *вэньяня* – его лаконичность, которая допускает пропуски упомянутых ранее слов [Карапетьянец, 2001, с. XLII]. Задача переводчика и состоит в установлении смысловых связей между предложениями. Для этого нужно, тщательно вдумываясь в контекст, добиваться грамотного перевода на русский язык, а уже затем стилизовать текст, если это, конечно, необходимо при переводе такого памятника.

Главы второй группы *цзинь-вэнь* (версия “современных писем”) переведены близко к тексту и с сохранением структуры предложений. Текст воспринимается легче, в нем нет нарочитости и напыщенности, привнесенных стилизаций.

Но и здесь проявились недостатки перевода. Приведем характерный пример из главы *Чжао гао* (“Обращение с призывом [хранить небесное повеление]”), перевод предложения 夫知保抱攜持厥婦子: “Отцы-семьянины с запеленутыми [младенцами] на руках, поддерживая своих жен и наложниц...” (с. 382). Если перечитать эту фразу и посмотреть весь контекст, то окажется, что вырисовывается странная картина. Выше говорилось о мудрых и порочных, и вдруг откуда ни возьмись возникают какие-то “отцы-семьянины”, да еще с “запеленутыми [младенцами] на руках” (точнее, конечно, – “запеленатыми”, от слова “пеленать”).

Действительно, если возникает вопрос, как перевести иероглиф *фу* 夫 в начале предложения (как “муж”, как начальную частицу, как указательное местоимение “этот”), то по контексту однозначно предпочтительнее последний вариант. Тем более что слово *чжи* 知 здесь означает “мудрец”. Более того, оно же встречается в предыдущем предложении как *чжи* 智, которое автор и перевел как “мудрые [люди]”. В результате сочетание *фу чжи* 夫知 можно перевести как “эти мудрецы”. Далее, автор слово *цзы* 子 перевел не как “ребенок”, а почему-то как “наложница”. В итоге – сапоги всмятку. Перевод данного фрагмента мог выглядеть следующим образом: “Эти мудрецы, [отстраненные во времена правления Ди-синя], поддерживая и держа за руку своих жен и детей...”.

В другом случае фрагмент главы *Цзюнь Ши* (“Правитель Шн”) 我不敢知曰厥基永孚于休 переведено более чем описательно: “Разве мы [поэтому] не знаем, что начало царственному делу [династии] всегда кладется милостью [Неба]?!” (с. 420). Его можно перевести так: “Мы не смеем знать [побуждений Неба, но] говорим, что его (т.е. небесного повеления) исток постоянно пребывает [в зависимости от] благоволения [Неба]”.

Неожиданно возник вопрос, какие слова брать в квадратные скобки, какие – нет. Очевидно, что отсутствующие в оригинале знаменательные слова, необходимые для понимания, надо заключать в такие скобки. Например, предложение 自古王若茲，監罔攸辟 из главы *Цзы цай* переведено так: “С древности ваны так [поступали], [и] среди удельных правителей не было склонившихся ко злу” (с. 368). В оригинале нет словосочетания “удельные правители”. Не требует скобок союз “и”. Можно предложить такой перевод: “С древности ваны [поступали] подобно этому. [Из тех, на кого] взирал [ван], не было тех, чьи [действия нужно было] пресекать”.

Как известно, передача исторических реалий – одна из самых сложных задач. При переводе *Шу цзина* приходится иметь дело с большим набором культурных реалий различных эпох, прежде всего периодов Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) и Чуньцю (771–453 гг. до н.э.), связанных с должностями, единицами административно-территориального деления, титулами знатности и т.п.

В целом, на наш взгляд, автор с этой задачей справился: он предлагает вариант перевода понятия или его передачи в тексте, а чаще всего описывает их в примечаниях. Но при этом он выработал свою систему их перевода: *тайбао* – великий хранитель (с. 374), *дасыту* – главный министр народоустройства (с. 505), *сыкун* – управитель общественных работ и т.п.

Поскольку это устойчивые реалии, а число их сравнительно невелико, то, на наш взгляд, в переводе предпочтительнее сохранить транскрипцию, а в примечаниях привести объяснения и, если необходимо, то и перевод, ссылаясь на один из вариантов из числа существующих в историографии. В российской науке имеется опыт перевода памятников, содержащих подобные понятия, например, в каждом томе “Исторических записок” Сыма Цяня, которые переведил Р.В. Вяткин и др., содержится указатель китайских терминов и понятий. Наряду с ним К.В. Васильев, М.В. и В.М. Крюковы, С. Кучера, В.С. Таскин и другие историки также сталкивались с этой проблемой. Свой вариант перевода предлагается тогда, когда переводчика не устраивает ни один из существующих вариантов. В таком случае очень важно объяснить причины. Но не все понятия могут быть переведены напрямую, поэтому зачастую достаточно ограничиться их объяснением.

Перевод некоторых из них не унифицирован, например, титул *гун* 公 передан как “князь”, “князь-гун” и просто транскрибирован в пределах одной главы (с. 309–317). Не унифицирован перевод термина *сыкун* 司空: он передан как “министр землеустройства” (с. 267, 701, 708), “главный министр землеустройства” (с. 652), “управитель общественных работ” (с. 51, 559), “министр общественных работ” (с. 708). Не все понятия переводились, например, слово *ван* 王 передано в транскрипции, а слово *ди* 帝 переведено как “император”.

Примечания к переводу объемны (с. 547–758), обстоятельны, их наличие – большая заслуга автора. Они написаны с привлечением китайской, европейской и отечественной литературы. Автор проделал большую работу по описанию исторических реалий, разъяснению сведений о мифических персонажах, географических объектах и т.п.

В “Послесловии” выработана единая система отсылок к используемой литературе, но в примечаниях автор от системы постраничных сносок почему-то отказался.

Значительная часть примечаний содержит материал комментариев из китайских изданий, которые адресованы носителю китайской культуры. Многие из них имеют отсылки на комментаторскую традицию, впрочем, без указания конкретных комментаторских трудов: “некоторые комментаторы и переводчики считают...” (с. 569), “все комментаторы сходятся во мнении...” (с. 572), “китайские комментаторы сходятся во мнении...”, “большинство китайских комментаторов считают...” (с. 697), “ниже приводится традиционная китайская комментаторская интерпретация...” (с. 699), “китайские комментаторы склонны видеть здесь...” (с. 703), “некоторые старые китайские комментаторы считали...” (с. 704). Нередко текст примечания вводится неопределенными фразами: “считается, что...”, “как считается...”.

В отдельных фрагментах проявляется расплывчатое представление автора о древней истории. Например, “последний иньский император Ди Синь” (с. 631, примеч. 1) или “*империя Инь*” (с. 630, примеч. 2), или: “ваном здесь назван правитель всего государства, т.е., по сути, император” (с. 626, примеч. 2). Использование понятия “империя” недопустимо в отношении данного периода древнекитайской истории (вторая половина 2-го тыс. до н.э.). Шанский *ван* не может быть приравнен к императору. Первым императором историки считают Цинь Ши-хуана (III в. до н.э.).

Другой аналогичный пример – примеч. 9 на с. 611: “...государство Шан в составе империи (конфедерации) Ся”. Если считать, что Ся все-таки легендарное государство, то тогда понятия исторической науки “империя” и тем более “конфедерация” здесь неуместны.

Некоторым комментариям присуща небрежность формулировок. Например, примеч. 200 на с. 596: “В других древнекитайских памятниках имеются другие сходные, но не идентичные идеальные схемы территориальной организации древнекитайского государства”. Но где и какие, не говорится. Или примеч. 4 на с. 618: “Это действующее лицо встречается в легендах, описывающих события значительно более древнего периода Пяти императоров и императора Яо”.

Порой исторические реалии сопровождаются поверхностными объяснениями: “*Слепцы забилы в барабаны*. Музыканты в древнем Китае, как правило, были слепыми” (с. 606). Без пояснений такое обобщение звучит странно. Сам контекст (солнечное затмение, паника среди людей) указывает на степень серьезности обстановки, в которой едва ли уместна музыка развлекательного характера. Ясно, что здесь имеются в виду не музыканты вообще, а слепые жрецы-музыканты (*гу*), исполнявшие не любую, а именно ритуальную музыку [Ульянов, 2015, с. 14].

Едва ли удачны пояснения фрагментов перевода посредством малоизвестных и малоизвестных русских поговорок, например, в примеч. 42 на с. 576 сказано: “*Ноги и руки играют*. По аналогии с русской поговоркой “Серёдка сыта, концы играют”». В этом же стиле выполнены примеч. 3 на с. 623, примеч. 8 на с. 625, примеч. 42 на с. 649.

“Послесловие”, по замыслу авторов, является исследовательской частью работы (с. 13). При этом название раздела может ввести в заблуждение, поскольку это отнюдь не краткое подведение

итогов, а очень значимый раздел на несколько сот страниц. Столь подробное собрание данных об истории *Шу цзина* в российской историографии приводится впервые.

Приведем структуру “Послесловия”:

1. **Научная проблема “Шан шу”.** Затронуты проблемы формирования, передачи и понимания текста книги. Параграфы: 1. Введение; 2. Название “Шан шу”: 2.1. Древнекитайские записи “шу”, 2.2. Книга “Шан шу”, 2.3. Две версии книги “Шан шу”.

2. **История текста “Шан шу”.** Затронуты различные аспекты существования, письменной передачи и издания текстов *Шу цзина* с периода Чжаньго до начала XXI в. Параграфы: 1. “Шан шу” в доимперской древности; 2. “Шан шу” в императорском Китае.

3. **Комментарии к “Шан шу”.** Упомянуты наиболее значимые средневековые комментарии памятника и обстоятельства их создания. Параграфы: 1. “Ханьское учение” и “Сунское учение”; 2. Официальные комментарии эпохи Сун (X–XIII вв.); 3. Комментаторская традиция Чжу Си; 4. Неоконфуцианский комментарий Цай Чэня: 4.1. Официальный “Сводный комментарий” (ци чжуань) Цай Чэня, 4.2. Другие комментарии XIV – начала XX в.; 5. Иллюстрированная “Шан шу”: 5.1. Иллюстрации в данном издании.

4. **Переводы “Шу цзина” на европейские языки.** Приведены краткие описания всех имеющихся переводов как отдельных глав, так и полной версии памятника на европейские языки. Параграфы: 1. Ранние неполные переводы XVI–XVIII вв.; 2. Европейские переводы “Чтимой книги” XVIII–XX вв.; 3. Заключение. Русские переводы “Чтимой книги”.

В “Послесловии” затронуты многие важные вопросы происхождения, передачи и комментирования *Шу цзина*, которые, безусловно, заслуживают внимания. Приведенные сведения позволяют составить общую картину об этом. В ходе описания истории памятника авторы опирались преимущественно на китайскую историографию (прежде всего на работы Ли Циюаня, Ма Шиюаня, Чэн Юаньмина), но поскольку исследователей содержательного, источниковедческого, текстологического плана не проводили, то критика приводимых ими данных чаще всего отсутствует.

Важнейшее противоречие “Послесловия” состоит в том, что, коснувшись многих вопросов истории памятника, авторы так ничего и не сказали о его структуре и содержании!⁶ Отчасти этой теме может соответствовать только характеристика жанров глав по их названию: *gao 诰* – обращение правителя к подданному, *mo 谟* – советы подданного правителю, *min 命* – повеления, приказы и распоряжения правителя и т.п. Но и здесь говорится не об идеях, заложенных в их содержании, а только о форме названий глав без учета их содержания (обращение, совет, повеление и т.п.) (с. 773). Напротив, проведенное нами исследование содержания глав показало неправомочность отнесения какой-либо из глав к определенному жанру, только исходя из ее названия [Попова, 2015(2)]. В.М. Майоров высказал мнение, что, даже если в названии главы отсутствует указание на ее жанр, то “не составит большого труда отнести их к тому или иному из упомянутых жанров” (с. 773). Но примеры не привел. Что касается глав, которые не вписываются в рамки этих жанров (в качестве примера была приведена глава *Юй гун*), то «это обычно рассматривается как признак ее позднейшего включения в “Шан шу”» (с. 773), однако сведения о том, насколько поздним могло быть это включение, в авторском тексте отсутствуют.

Список использованной литературы достаточно велик, но в исследовательской части нет отдельного историографического обзора – необходимой составляющей научного описания памятника. Вне поля зрения авторов оказался ряд основополагающих исследований китайских специалистов. Например, классической работы Чэнь Мэн-цзя *Шан шу тун-лунь 尚書通論* (“Введение в изучение *Шан шу*”), с которой, собственно, и начинается современное и научное изучение памятника, и не только его истории, но и содержания⁷. А также работы Цзян Шаньго *Шан шу цзун шу* (“Сводное описание *Шан шу*” 尚書綜述), в которой как раз много говорится о содержании и идейном наполнении комментариев к памятнику.

Из-за отсутствия полноценного историографического обзора многие проблемы исследования памятника оказались освещены односторонне. В качестве примера можно привести описание проблемы датировки отдельных глав памятника и проблему разделения его глав на две версии.

Вопрос датирования памятника остается одним из самых сложных и важных [Попова, 2012(2); Попова, 2013(4)]. Он требует отдельного исследования, и автор академического перевода не обязан его проводить сам, если только он не ставит такой исследовательской задачи. Но очень

⁶ Эта тема была освещена в статье Г.С. Поповой [Попова, 2012].

⁷ В библиографии указана одна из работ Чэнь Мэн-цзя – “Описание гадательных костей шанского городища” (1956 г.), но она посвящена иной тематике – изучению государства Шан (ок. 1300–1027 гг. до н.э.).

желательно показать имеющиеся точки зрения. В российской, европейской и китайской историографии существует множество вариантов датировки отдельных глав. В основном исследователи разбивают главы на группы по определенным периодам: Западное Чжоу (1027–771 гг. до н.э.), Чуньцю–Чжаньго (771–221 гг. до н.э.), Чжаньго (453–221 гг. до н.э.), Цинь и Хань.

Авторы “Послесловия” приводят датировку отдельных глав, предложенную М. Найлан в работе «Пять “конфуцианских” канонов» (“The five ‘Confucian’ classics”), не являющейся специализированным трудом по данному памятнику и тем более по вопросу времени его формирования, – в ней содержатся общие сведения о “пяти канонах”. К тому же она касается только 29-и глав памятника. М. Найлан разделила эти главы на отдельные пласты, датировка которых была определена ею с XI до второй половины III в. до н.э. (с. 766–769). Часть ее выводов может быть поставлена под сомнение (см.: [Попова, 2014(3), с. 436]).

Специалистов, которые в своих исследованиях затрагивали вопросы истории разделения глав памятника на две группы и их датирования, сравнительно много, например: Цзян Шаньго [Цзян Шаньго, 1988, с. 136], Гу Цзеган [Гу Цзеган, 1982, т. 1, с. 201], Чжан Ситан [Чжан Ситан, 1958, с. 198–203], Л.С. Васильев [Васильев, 1995, с. 19–20], К.В. Васильев [Васильев, 1998, с. 127]. Но В.М. Майоров выбрал только одного автора, тем самым лишив себя возможности привести и другие точки зрения.

В других частях книги автор несколько раз касался этой проблемы. Например, им было высказано предположение, касающееся глав четвертого раздела “Чжоуских писаний” (*Чжоу шу*): “По крайней мере, по особенностям языка и в сопоставлении с синхронными эпиграфическими текстами написание таких глав можно отнести к XI в. до н.э.” (с. 3–4). Но здесь очень важны аргументы.

Нелишне вспомнить, что изучением этого вопроса занимался В.М. Крюков, который, проведя сравнение языка *Шу цзиня* с языком западночжоуской и восточночжоуской эпиграфики, пришел к заключению, что самые ранние главы памятника могли быть записаны не ранее VIII в. до н.э. [Крюков, 2000, с. 322]. XI век – начало периода Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.), а VIII век – начало периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.), т.е. это разные эпохи. Выводы В.М. Крюкова, несмотря на наличие его работы в библиографическом разделе, учтены не были.

Проблема трактовки двух групп глав как принадлежащих к двум разным версиям памятника также является одной из самых сложных и спорных. Тем более что традиционное каноноведение уже в течение двух тысячелетий эксплуатирует мнение о том, что целая часть глав памятника поддельна. Автор пишет, что главы второй группы, «согласно историческим свидетельствам, были включены в состав канонического текста “Шан шу” только в начале IV в. н.э. В традиционном китайском каноноведении и в современной китайской текстологии давно уже имелось сомнение в подлинности этих глав» (с. 10).

В качестве контраргументов можно привести следующие сведения: в памятниках более раннего времени (периода Чжаньго) встречаются многочисленные цитаты из этой группы глав, что ставит под сомнение версию о столь позднем их происхождении [Попова, 2014(3)]; фрагменты многих глав этой группы были процитированы Сыма Цянем в *Ши цзи* [Попова, 2012(1); Попова, 2014(3)], т.е. задолго до IV в. н.э.

Упомянув о “сомнении в подлинности этих глав”, автор тем самым коснулся очень важной проблемы, но не раскрыл ее. Что имеется в виду, когда ставится вопрос об их подлинности? Либо это тексты, написанные в разные эпохи древности; тогда они остаются памятниками общественной мысли. Либо это именно “подделка”, т.е. они были написаны вне рамок какой-либо традиции с целью получения коммерческой выгоды или введения в заблуждение читателей. Даже если допустить, что они были включены в состав *Шу цзиня* только в IV в. н.э., то с тех пор они тоже стали памятниками общественной мысли, поскольку все это время находились в интенсивном культурном обороте. Тем не менее, если сомнения в их подлинности столь велики, то на чем они основаны и, если это доказано, зачем тогда публиковать их перевод?

Представляется, что такое разделение может являться следствием полемики между школами еще западноханьского времени накануне кодификации текста. Нет ничего удивительного в том, что версию оппонента представители одной из школ могли назвать “поддельной”. Однако сейчас это требует серьезного обоснования. Когда у исследователя нет своей точки зрения на ту или иную сложную проблему, достаточно о ней упомянуть и отослать читателя к специальной литературе.

В целом, касаясь вопросов датирования древних памятников, нужно различать время создания произведения или, как в данном случае, отдельных его частей, время их бытования в устной и

письменной форме, время их письменной фиксации; время их кодификации в результате включения в состав канона, а также этапы письменной передачи памятника, на протяжении которых он мог быть утрачен и затем “восстановлен”. По нашему мнению, в истории *Шу цзина* можно выделить следующие периоды: 1) время создания и первичной записи большинства глав: конец Западного Чжоу и Чуньцю (VIII–VI вв. до н.э.)⁸; 2) его существование в рамках философских школ периода Чжаньго (V–III вв. до н.э.); 3) период его существования в рамках канонических школ (со II в. до н.э. и позднее).

Глава третья “Послесловия” по замыслу авторов должна была осветить историю комментирования *Шу цзина* на протяжении почти двух тысячелетий. В ней описаны наиболее известные средневековые комментарии. Перечисляя их, авторы оставили без внимания специфику их содержания – идеи и подходы авторов классических комментариев. Много внимания было уделено ранним комментариям, напротив, комментаторская традиция нового времени (конец Мин и Цин) описана кратко, хотя именно эти комментарии представляют наибольший интерес с точки зрения начала научного изучения содержания памятника⁹. Было бы несправедливо обойти вниманием четвертую главу “Послесловия”, которая представляется наиболее целостной и завершенной, авторский голос звучит здесь наиболее уверенно. В ней содержится первый в российской историографии обзор сведений о переводах *Шу цзина* на европейские языки.

Публикация полного перевода *Шу цзина*, а затем и рукописи перевода Н.Я. Бичурина – демонстрация запроса на изучение классики и на сохранение памяти о работах предшественников в отечественной синологии. Сопоставляя эти два труда, можно увидеть, насколько продвинулась за двести лет отечественная китаистика и что еще предстоит сделать.

С выходом этой книги возникла необходимость вернуться к вопросу о том, что есть академическое издание классических произведений китайской культуры и каковы его критерии. В российской науке, в том числе и в синологии, накоплен большой опыт перевода и публикации классических памятников. Форма публикации классического памятника древнекитайской общественной мысли была найдена еще в 1936 г. Первым современным академическим изданием перевода и исследования такого произведения можно считать труд А.А. Петрова “Ван Би (226–249). Из истории китайской философии” [Петров, 1936]. Это фундаментальная работа одного из представителей школы В.М. Алексеева, которая была написана под научным руководством Ю.К. Щуцкого. Эта монография, ставшая прообразом синологических публикаций в послевоенной серии “Памятники письменности Востока”, содержит исследование, перевод памятника, научный комментарий и вспомогательный аппарат: указатели терминов и имен, а также факсимиле оригинального текста. Его объем, кстати, невелик – 136 страниц. Позднее традиция академического перевода и комментирования памятников была продолжена Р.В. Вяткиным, В.С. Таскиным, Ю.Л. Кролем и многими другими. В качестве примера академического перевода недавнего времени можно привести перевод и исследование *Хуайнаньцзы*, выполненные Л.Е. Померанцевой. И не случайно этот труд посвящен ее учителю – Л.Д. Позднеевой, которая, в свою очередь, была одной из учениц В.М. Алексеева [*Хуайнаньцзы*, 2016].

Есть академические серии, в рамках которых издаются памятники исторической мысли и художественной литературы. Прежде всего это “Памятники письменности Востока” и “Памятники мировой литературы”. Любая из книг этих серий могла бы стать образцом для авторов. Но авторы пошли иным путем, взяв за образец в основном не своих прямых предшественников, советских и российских сиологов XX – начала XXI в., а китайских специалистов, которые в значительной степени опираются на культурно обусловленные традиции канонизации. Конечно, это право и выбор авторов. Но есть некоторая взаимозависимость между культурной значимостью памятника и формой его ввода в научный оборот. Чем больше важность произведения, тем выше требования к его переводу и исследованию. Наиболее значимые классические памятники требуют к себе строгого академического подхода.

Задача академического перевода и проста, и сложна одновременно: дать максимально приближенный к содержанию оригинального произведения перевод. Академическому переводу присуще стремление сохранить исходную структуру фраз и предложений в тех границах, которые допуска-

⁸ Результаты исследований относительно времени создания основной части глав памятника отражены в [Попова, 2014(2); Попова, 2014(3), с. 58–59].

⁹ Не утратили значения комментарии к 13 канонам цинцев, которые были опубликованы академическим издательством *Чжунхуа шуцзюй* в рамках книжной серии *Шисань цзин Цин жэнь чжэюу* 十三经清人注疏 (“Комментарии к 13 канонам цинцев”) и др.

ют нормы литературного русского языка. При этом требуется передать не только букву, но и дух произведения, по возможности сохранив его стилистические и содержательные особенности.

Научный перевод и исследование памятника такого уровня предполагает четкое обозначение области познания, внутри которой они осуществлялись. Его перевод сопровождается изложением результатов собственных исследований автора, т.е. новой информацией, полученной им самим в результате исследования какого-то аспекта, связанного с содержательными особенностями переведенного произведения. Это и есть исследовательская часть. И она, как правило, соответствует специализации автора и прямо оговаривается в предисловии – литературовед формулирует выводы, относящиеся к истории литературы, историк – к изучению истории, языковед описывает специфику языка памятника, а философ – заложенные в нем фундаментальные идеи общественной мысли своего времени. Письменные памятники переводятся литературоведами как литературные произведения, историками – как исторические источники, философами – как памятники общественной мысли.

В.М. Майоров взялся за перевод *Шан шу*, так и не решив, переводит ли он этот памятник как исторический источник, как сочинение общественной мысли (философский труд) или как художественное произведение (памятник исторической или философской прозы). По подходам к переводу скорее – третье, а вот Примечания и “Послесловие” написаны под сильным влиянием современной китайской научной традиции, для которой характерна описательность и почти полное отсутствие того, что в европейской традиции принято называть исследованием (анализ). Из всех аспектов изучения памятника авторы уделили основное внимание изложению истории *Шу цзина*: письменной передачи его текста, традиции комментирования и перевода на европейские языки, но совершенно не затронули вопрос особенностей его содержания. Безусловно, это самый сложный аспект при изучении *Шу цзина*, но и самый необходимый одновременно, если речь идет о публикации его перевода.

Учитывая также замеченные нами ранее неточности, присущие переводу, можно сделать вывод, что он может быть полезен при самом общем знакомстве с содержанием памятника, но для специальных литературоведческих, исторических и философских исследований он вряд ли будет пригоден.

Книга значительно выиграла бы, если бы ее текст был подвергнут более тщательной редактуре. Литературная редакция была крайне необходима, поскольку авторы далеко не всегда в достаточной степени владеют выразительными возможностями русского языка. При чтении глаз постоянно “цепляется” за вкрапления буквализмов, характерных для переводов с китайского или английского языков, стилистические шероховатости и такое словоупотребление, которое требует разгадывания значения использованных слов. Научная редакция позволила бы четко сформулировать цель и задачи работы, унифицировать перевод одних и тех же терминов; выявить противоречия друг другу сведения (например, о датировании отдельных глав памятника); более точно озаглавить некоторые разделы («Научная проблема “Шан шу”», «Современная научная трактовка проблемы доимперской “Шан шу”») и более последовательно распределить материал.

Все сказанное не умаляет значения рассматриваемой работы. В качестве первого в отечественной историографии перевода и масштабного описания различных проблем исследования *Шу цзина* данный труд представляет несомненную ценность. Однако одновременно эта книга заставляет задуматься о современном состоянии отечественной синологии и путях ее развития. Впереди новые переводы, комментарии и исследования, а благодаря данному труду возникает понимание того, насколько важен академический подход и что может произойти, если им хоть в чем-то пренебречь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беседы и суждения Конфуция* / Пер. В.С. Васильева, П.С. Попова, В.А. Кривцова, И.И. Семененко, А.Е. Лукьянова. СПб., 1999.
- Большой китайско-русский словарь*. Под ред. И.М. Опанина. М., 1983.
- Васильев К.В. *Истоки китайской цивилизации*. М., 1998.
- Васильев Л.С. *Древний Китай*. Т. 1. М., 1995.
- Го юй* (“Речи царств”). Перевод с кит., вступ. и примеч. В.С. Таскина. М., 1987.
- Дао дэ цзин*. Прозоритмический перевод с древнекитайского и исследование А.Е. Лукьянова, поэтический перевод В.П. Абраменко. М., 2008.
- “*Древняя китайская история*” Н.Я. Бичурина. Транскрипция и факсимиле рукописи 1822 г. с переводом “Шу цзина”, древнекитайский текст оригинала / Пер. Н.Я. Бичурина, транскр. В.М. Майорова, М.А. Смирновой, Л.В. Стеженской под общ. ред. В.М. Майорова. М., 2014.

- И цзин* (“Канон перемен”): перевод и исследования. Сост. А.Е. Лукьянов. М., 2005.
- Карапетьянц А.М., Тань Аошун. *Учебник классического китайского языка взъянь*. М., 2001.
- Конфуцианский трактат “Чжун юн”*. Переводы и исследования. Сост. А.Е. Лукьянов. М., 2003.
- Конфуцианское “Четверокнижие”*. (“Сы шу”). М., 2004.
- Крушинский А.А. *Логика “И цзина”*. Дедукия в Древнем Китае. М., 1999.
- Крюков В.М. *Текст и ритуал*. М., 2000.
- Луньюй. Пер. В.М. Алексеева // *Беседы и суждения Конфуция*. СПб., 2001.
- Майоров В.М. Кратко аннотированная библиография переводов “Мэн-цзы” на европейские языки: 1592–2004 // *Восток–Запад. Историко-литературный альманах 2003–2004* / Под редакцией акад. В.С. Мясникова. М., 2005. С. 275–288.
- Майоров В.М. “Хун фань” в переводе Бичурина // *XVII научная конференция цикла “Философии Восточно-Азиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация” 23–24 мая 2011*. М., ИДВ РАН, 2011(1).
- Майоров В.М. Рукопись Бичуринского перевода *Шан шу* // *Общество и государство в Китае: XXI научная конференция*. Вып. 3. М., 2011(2). С. 385–390.
- Переломов Л.С. *Конфуций*. “Лунь юй”. Исслед., пер. с кит., коммент. М., 1998.
- Петров А.А. *Ван Би (226–249)*. Из истории китайской философии. М.–Л., 1936.
- Попов П.С. *Китайский философ Мэн-цзы*. М., 1998.
- Попова Г.С. “Шу цзин” (“Книга документов”) как исторический источник: анализ датировок Чжоушу (“Документы [периода] Чжоу”) // *История Китая. Материалы китаеведческой конференции ИСАА при МГУ (май 2004 г.)*. М., 2005. С. 83–91.
- Попова Г.С. Введение в системное описание *Шу цзина* (“Канона [исторических] документов”) как исторического источника // “Общество и государство в Китае”. *XLII научная конференция*. М., 2012(1), т. XLII, ч. 1. С. 240–257.
- Попова Г.С. Некоторые результаты сравнения текстов *Шу цзина* с эпиграфикой Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) // “Общество и государство в Китае”. *XLII научная конференция*. М., 2012(2), ч. 3. С. 40–52.
- Попова Г.С. Специфика исследования *Шу цзина* в качестве исторического источника // *Тезисы научной конференции “Лаборатория историка: источник и метод”*. М., 2012(3). С. 83–86.
- Попова Г.С. Процесс формирования и особенности датировки мифологического слоя *Шу цзина* // “Общество и государство в Китае”. *XLIII научная конференция*. М., 2013(4), ч. 1. С. 382–392.
- Попова Г.С. Заметки о первом русском переводе Шан-шу // “Общество и государство в Китае”. *44-я научная конференция*. М., 2014(1), ч. 2. С. 424–452.
- Попова Г.С. Лексико-грамматические особенности *Шу цзина* // *Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции (Москва, 14 апреля, 2014 г.)*. М., 2014(2). С. 25–28.
- Попова Г.С. Перевод, комментарий и исследование главы Юй гун *Шу цзина* // *В пути за Китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева*. М., 2014(3). С. 224–242.
- Попова Г.С. *Шу цзин* во второй половине 1-го тыс. до н.э.: передача текста и проблема разделения глав на версии *гуэнь* и *цзиньгуэнь* // “Общество и государство в Китае”. *44-я научная конференция*. М., 2014(4), ч. 1. С. 57–73.
- Попова Г.С. Исследование, перевод и комментарий “Предисловий к записям” (*Шу-сюй*) // “Общество и государство в Китае”. 45-я научная конференция. М., 2015(1). С. 565–601.
- Попова Г.С. Категории глав *Шу цзина* (“Канона записей”) // *Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы научной конференции (Москва, 20 апреля, 2015 г.)*. М., 2015(2). С. 11–13.
- Попова Г.С. “Древняя китайская история” Н.Я. Бичурина: неустаревающая классика // “Общество и государство в Китае”. *XLVI научная конференция*. М., 2016, ч. 1. С. 183–196.
- Стеженская Л.В. *Истоки и методологические принципы китайской литературы в трактате Лю Се “Резной оракон литературной мысли”*. Магистерская диссертация. М.: ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010.
- Сыма Цянь. *Шицзи (Исторические записки)*. Пер. с китайск. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. Т. 1. М., 2001.
- Ульянов М.Ю. Жречество Древнего Китая периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): по данным Чуньцю Цзочжуань («Вёсны и осени» господина Цзо») // *Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы научной конференции*. М., 2015. С. 13–15.
- Хуайнаньцзы. *Философы Хуайнани*. Пер. с китайск., вступ. статья и примеч. Л.Е. Померанцевой. М., 2016.
- Ши цзин (Канон поэзии)*. Поэтический перевод В.П. Абраменко. М., 2015.
- Гу Цзеган. *Гу ши бянь 古史辨* (“Полемика по древней истории”). В 7 тт. Шанхай, Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1982.
- Лю Циюй. 刘起钎 “Шан шу сюэ ши”. 尚书学史 (История изучения Шу цзина). Пекин, 1989.
- Ма Шиюань 马士远. Чжоу Цинь Шан шу сюэ яньцзю 周秦《尚书》学研究 (Исследование по учению Шан шу при Чжоу и Цинь). Пекин, 2008.

Цзинь гувэнь Шан шу цюань и 今古文尚书全译 (“Полный перевод версий цзиньвэнь и гувэнь Шан шу”). Гуйчжоу, 1990.

Цзян Шаньго 蒋善国. *Шан шу цзун-шу* 尚书综述. (“Сводное описание Шан шу”). Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1988.

Чжан Ситан 张西堂. *Шан шу иньлунь* 尚书引论 (Введение в Шан шу). Сиань, 1958. С. 198–203.

Чэнь Мэн-цзя. 陈梦家. *Шан шу тун-лунь* 尚书通论 (“Введение в изучение Шан шу”). Пекин, 1985.

Шан шу и чжу 尚书译注 (“Шан шу с переводом и примечаниями”). Шанхай, 2009.

Шан шу цзинь чжу цзинь и 尚书今注今译 (“Шан шу с современным комментарием и в современном переводе”). Тайбэй, 2009а.

Шисань цзин чжу шу 十三经注疏 (Тринадцать канонов с комментариями). Пекин, 1999.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАХСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ 1675–1821 гг.

Сборник исторических документов в 2-х тт. Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев, сост. и отв. ред. И.В. Ерофеева.
Алматы: АО “АБДИ компании”, 2014.

© 2016

В. В. ТРЕПАВЛОВ

Известный казахстанский историк И.В. Ерофеева выступила инициатором и основным исполнителем большого исследовательского и издательского проекта по поиску и публикации писем, составленных в канцеляриях казахской знати накануне и после вхождения казахских Младшего и Среднего жузов в состав Российской империи. Результатом этой масштабной многолетней работы стали два тома публикации эпистолярного наследия кочевой элиты последней четверти XVII – первой четверти XIX в.

И.В. Ерофеева является автором фундаментальных монографий, посвященных различным аспектам истории Казахстана XVIII–XIX вв., главным образом его высших социальных слоев (ханов, султанов, батыров, кожей), их внутренней и внешней политике, общественному статусу, организации управления, отношениям с российским имперским центром и др. Рецензируемое издание находится в русле того же магистрального направления научных интересов И.В. Ерофеевой. В нем помещены 811 писем от 26 представителей высшей казахской аристократии к российским правителям и провинциальным администраторам. Большинство этих документов ранее не публиковалось, да и сами подобные документы не удостоивались специального изучения. И.В. Ерофеева резонно решила, помимо потекстовых комментариев к письмам, предпослать текстам источников подробную историко-ведческую статью, посвященную этой категории письменных памятников. Кроме того, биографии большинства из 26 адресантов также малоизвестны, и их имена ничего не говорят широкому читателю. Поэтому издание сопровождается очерками с описанием жизненного пути соответствующих ханов и султанов. Для полноты картины в издании помещены также краткие справочные статьи о тех, к кому обращалась кочевая элита: царские особы, придворные сановники, генерал-губернаторы, военачальники и т.д. В первом томе имеется приложение в виде нескольких статей публикатора, а также М.Б. Кожи, А.Е. Рогожинского и Э.Р. Усмановой, освещающих некоторые аспекты истории казахской элиты: о хивинских ханах, ханских писарях, атрибутах ханской власти, казахских городах и селениях XVII–XVIII вв.

Более половины публикуемых документов сохранилось только в русских переводах. Но публикаторам удалось найти оригиналы некоторых посланий на языках чагатайском и османском тюрки, среднеазиатском фарси, ойратском и маньчжурском. Такие тексты тоже включены в издание и снабжены факсимильными копиями текстов и переводами – как синхронными, так и в некоторых случаях сделанными заново.

Ценность публикуемых источников заключается прежде всего в их аутентичности, происхождении “из первых рук”. Тексты, вышедшие из-под пера ханских писарей, отражают события, которые происходили непосредственно в период их написания, и к тому же не отягощены идеологическими искажениями и переосмыслениями, характерными для хроникальных сочинений, со-